Научная статья
УДК 327(100)
EDN ZLGZAZ
DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).155-171

Де-факто республики постсоветского пространства в системе российских и китайских национальных интересов: историческая ретроспектива

И.Н. Ерицян
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

И.В. Олейников
Иркутский государственный университет; Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:
01.07.2025
Дата принятия к печати:
12.08.2025
Дата онлайн-размещения:
29.08.2025

Аннотация. Российские и китайские национальные интересы в разные периоды времени изменялись, что было связано как с внутриполитическими, так и внешнеполитическими процессами. Цель исследования заключается в определении места де-факто государств постсоветского пространства в системе российских и китайских национальных интересов в конце XX — первой четверти XXI в. Анализ свидетельствует, что демонстрируемая приверженность России и Китая поддержанию многополярного мира и сотрудничество в различных международных организациях не предопределили тождественность подходов в отношении де-факто республик постсоветского пространства. КНР в рамках национальных интересов во внешней политике придерживалась принципа территориальной целостности и развивала сотрудничество с материнскими государствами де-факто республик, одновременно реализуя неформальное сотрудничество с последними. Обширный конфликтогенный потенциал постсоветских де-факто государств препятствует формированию трансевразийских торговых маршрутов, выгодных для Китая. Китай заинтересован в его решении и сдерживании вмешательства иных великих держав в зоны, ключевые для реализации его политических и экономических интересов. Выявлены исторические, демографические, географические, геостратегические и экономические факторы, предопределившие место де-факто республик постсоветского пространства в системе российских национальных интересов и не являющиеся актуальными для КНР.

Ключевые слова. Национальные интересы, Россия, Китай, де-факто государства, постсоветское пространство, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах.

科学文章

中俄国家利益体系中的后苏联地区事实上的共和国：历史回顾

I.N. Eritsyan
贝加尔国立大学，
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

I.V. Oleynikov
伊尔库茨克国立大学;
贝加尔国立大学，
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

结稿日期：2025年07月01日
出版日期：2025年08月12日
网上出版日期：2025年08月29日

摘要：俄罗斯和中国的国家利益在不同时期发生了变化，这与国内政治和外交政策进程有关。本研究旨在确定20世纪末至21世纪初，前苏联地区事实上的国家在俄罗斯和中国国家利益体系中的实际地位。分析表明，俄罗斯和中国在维护多极世界和在各种国际组织框架内合作方面所表现出的承诺，并未决定其对前苏联地区事实上的共和国采取相同的态度。中国在外交政策中，基于国家利益，坚持领土完整原则，并与事实上的共和国母国发展合作，同时与事实上的共和国开展非正式合作。前苏联事实上的共和国的巨大冲突潜力阻碍了有利于中国的跨欧亚贸易路线的形成。中国有意解决这些问题，并遏制其他大国对实现其政治和经济利益关键领域的干涉，这些地区对实现其政治和经济利益至关重要。已经确定了历史、人口、地理、地缘战略和经济因素，这些因素决定了前苏联地区事实上

© Ерицян И.Н., Олейников И.В., 2025

的共和国在俄罗斯国家利益体系中的地位，但对中国而言这些因素并不具有现实意义。

关键词：国家利益，俄罗斯，中国，事实上的国家，后苏联地区，阿布哈兹，南奥塞梯，德涅斯特河沿岸，纳戈尔诺-卡拉巴赫。

Original article

De Facto Republics of the Post-Soviet Space in the System of Russian and Chinese National Interests: A Historical Retrospective

I.N. Eritsyan
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

I.V. Oleynikov
Irkutsk State University:
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2025 July 1
Accepted: 2025 August 12
Available online: 2025 August 29

Abstract. The national interests of Russia and China have changed over time due to domestic and foreign policy processes. The study aims to determine the place of de facto post-Soviet states within the Russian and Chinese systems of national interests at the end of the 20th century and in the first quarter of the 21st century. The analysis shows that Russia and China's demonstrated commitment to a multipolar world and cooperating with various international organizations did not lead to identical approaches toward the de-facto republics of the post-Soviet space. Within the framework of its foreign policy interests, the PRC adhered to the principle of territorial integrity and developed cooperation with the parent states of the de facto republics. At the same time, the PRC engaged in informal cooperation with the latter. The extensive conflict potential of post-Soviet de facto states hinders the formation of trans-Eurasian trade routes that would benefit China. China is interested in resolving this issue and preventing the intervention of other great powers in areas that are key to the realization of its political and economic interests. Historical, demographic, geographical, geostrategic and economic factors have been identified that predetermined the place of the de facto republics of the post-Soviet space in the system of Russian national interests and are not relevant to the PRC.

Keywords. National interests, Russia, China, de facto states, post-Soviet space, Abkhazia, South Ossetia, Transnistria, Nagorny Karabakh.

Введение

Современные национальные интересы России и Китая ориентированы на многополярный мир. Однако, российские и китайские национальные интересы в отношении де-факто республик постсоветского пространства в разные периоды времени изменялись, что было обусловлено воздействием различных внутриполитических и внешнеполитических аспектов. Россия заинтересована в сохранении влияния на постсоветском пространстве, обусловленном историческими, политическими, экономическими и культурными факторами и в этом процессе де-факто государства играют роль опоры, позволяющей сохранить возможности для внешнеполитического балансирования и комплексной игры на интересах региональных и внерегиональных акторов. КНР заинтересована в продвижении собственных внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив в государствах, возникших на руинах бывшего СССР, поддержке принципа «одного Китая», продвижении китайской культуры, решении застарелых конфликтов, препятствующих торговле. Обширный конфликтогенный потенциал постсоветских де-факто республик препятствует формированию трансевразийских торговых маршрутов, выгодных для Китая, соответственно, Китай заинтересован в его решении и сдерживании вмешательства иных великих держав в зоны, ключевые для реализации его политических и экономических интересов. В связи с этим особый интерес представляет определение места де-факто государств постсоветского пространства в системе российских и китайских национальных интересов в конце XX — первой четверти XXI в.

Существует значительный пласт исследований политико-экономического курса России в отношении де-факто государств, возникших на обломках Советского Союза, в то время как экономическое и политическое присутствие Китая в странах постсоветского Закавказья не в полной мере освещалось отечественными авторами. Так, из недавних исследований следует отметить обстоятельные работы Я.В. Лексютиной [1], А.Ч. Мокрецкого [2], однако позиция КНР по отношению к де-факто республикам Южного Кавказа не получила в них предметного освещения. Авторы предлагаемой вниманию статьи ранее представили обзор стратегии Китая в отношении постсоветских де-факто государств, выполненный на основе неореалистической парадигмы в теории международных отношений [3], однако выявление сравнительной исторической динамики с позиции национальных интересов России и Китая не предпринималось.

Национальный интерес: понятие и классификация

До начала XX в. национальные интересы во внешней политике не рассматривались учеными предметно в качестве отдельной категории. Внешнеполитический аспект национальных интересов стал активно анализироваться в первой четверти XX в., после войн за «передел мира» и катастрофы Первой мировой войны. Национальный интерес трактовался преимущественно через милитаризм — военная мощь и ее постоянное наращивание выступали как гарантия его реализации. Экономическая мощь государства определялась в качестве первостепенной для обеспечения национальных интересов. С начала холодной войны актуальным фактором стала идеология, породив споры о необходимости включения в национальные интересы ценностных аспектов. Как отмечает профессор В.В. Трухачев, официально термин «национальные интересы» стал применяться в социальных науках в 1935 г., когда был включен в Оксфордскую энциклопедию [4, с. 54]. Более конкретные очертания понятие «национальный интерес» приобрело в трудах реалиста Ганса Моргентау [5] и было связано с понятием силы (power) и впоследствии расширено до категории «баланс сил».

В современном научном дискурсе отсутствует единство мнений относительно определения национальных интересов. Так, например, А.И. Овчинников предлагает не разграничивать национальные и государственные интересы, обращая внимание, что при принятом разделении национальных интересов на внутренние и внешние, первые направлены на «осуществление внутриполитических ценностей», при этом внешние интересы определяются историческими особенностями развития страны, их географическим расположением и в целом занимаемой или претендуемой позиции в мире, исходя из представлений о структуре миропорядка [6, с. 7–8]. В свою очередь, В.В. Трухачев отмечает, что категории «национальные интересы» и «государственные интересы» тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, но не тождественны [4, с. 53–54]. А. Бэттлер отмечает, что не нужно отождествлять национальные интересы с национальной безопасностью, поскольку последняя является частью первой [7, с. 146–158].

К фундаментальным (неизменным) национальным интересам относят территориальную целостность, независимость (политический суверенитет), экономическое развитие и процветание, сохранение существующего политико-экономического режима, поддержание национально-культурной самобытности страны [там же]. Реалистами фиксируются «экономические, политические, социальные, военные, гуманитарные и экологические национальные интересы и источники угроз», а «взаимосвязанные и взаимозависимые национальные интересы различных стран могут пересекаться, даже сталкиваться в различных формах» [8, с. 104]. В данном ключе внешняя политика РФ и КНР в отношении де-факто государств выступают как реализация части национальных интересов во внешней политике.

Период I: 1991–2008 гг. *Российская позиция в отношении де-факто республик постсоветского пространства*

Де-факто государства постсоветского пространства не сразу нашли «свою нишу» в системе российских национальных интересов, которая не была четко сформулирована после распада СССР. Российская государственность в период своего становления столкнулась с множеством внутриполитических и внешнеполитических трудностей. На внутриполитические процессы накладывался кризис отечественной дипломатии при министре иностранных дел А.Д. Козыреве[1]: «Российское руководство избегало ясно обозначать свои национальные интересы в сфере внешней политики,

[1] Признан Минюстом РФ иноагентом по Ст. 7 ФЗ от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

отождествляя их с интересами демократических стран, “сообщества мировых демократий в целом”» [9]. Первый министр иностранных дел РФ продвигал идею о необходимости «присоединиться к сообществу цивилизационных стран Запада» через упразднение собственных национальных интересов и ориентацию на западные ценности для получения экономической помощи от США и стран Европы [10, с. 833].

В отношении возникших де-факто республик на постсоветском пространстве Россия с начала 1990-х гг. выбрала единый курс, поддерживая территориальную целостность материнских государств и оказывая им содействие в урегулировании конфликтов [11, с. 63]. Как отмечает С.М. Маркедонов, «этнотерриториальный сепаратизм внутри РФ стал одним из важных факторов влияния на российские подходы в отношении кавказского направления в целом и особенно Абхазии» [12, с. 117]. По грузино-абхазскому и грузино-югоосетинскому трекам Россия способствовала заключению соглашения о прекращении огня: «Сегодня, 27 июля 1993 года, в городе Сочи подписано Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением. Грузинское и абхазское руководство проявили здравый смысл и политическую волю, пойдя навстречу настойчивым миротворческим усилиям России, поддержанным ООН и в целом международным сообществом… Российская Федерация твердо выступает за гарантии территориальной целостности Грузии, политического и правового статуса Абхазии и Южной Осетии, за мирное решение межнациональных проблем»[2].

При содействии России в целях предотвращения эскалации конфликта, прекращения военных действий, возвращения беженцев и перемещенных лиц, и решения множества иных важных вопросов посредством политического урегулирования грузино-абхазского конфликта и грузино-югоосетинского конфликтов, были заключены соответствующие соглашения в 1994, 1996, 1997, 2003, 2004 и 2005 гг.[3]

Линия на самостоятельность позиции в вопросах, касающихся российских национальных интересов стала реализовываться с назначения в 1996 г. министром иностранных дел Е.М. Примакова [13]. Вместе с тем, несмотря на ряд успехов, которые были достигнуты во внешней политике на кавказском треке, не удавалось достичь стабилизации в грузино-абхазском конфликте, что было обусловлено и внутренней неустойчивостью на Северном Кавказе в связи с Первой чеченской войной (1994–1996 гг.) и последовавшими выборами в Чечне в 1997 г. [14, с. 141–142]. Приоритетность в формулировании собственных национальных интересов пришлась на конец 1990-х гг. [15, с. 16], когда российская дипломатия сумела достичь определенных успехов, в том числе посредством развития взаимоотношений с незападными странами на ближневосточном и азиатском направлениях [16, с. 139].

В нагорно-карабахском конфликте именно благодаря посредничеству России удалось избежать широкомасштабных военных действий и заключить в Бишкеке 5 мая 1994 г. соглашение о прекращении огня. В сентябре 1997 г. в рамках ОБСЕ была выдвинута очередная мирная инициатива по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, однако не все стороны ее поддержали. В 1998 г. на основе предложений МИД РФ был выдвинут новый план мирного урегулирования конфликта, но и он не устраивал все стороны[4]. Россия стремилась разместить свой миротворческий контингент в зоне карабахского конфликта посредством дислокации на границе Азербайджана. Однако не удалось достичь взаимоприемлемого проекта соглашения между Россией и Азербайджаном, что негативно сказалось на дальнейших взаимоотношениях стран [17, с. 36].

Концепция национальной безопасности России 1997 г. определяла, что национальные интересы России «в международной сфере требуют проведения активного внешнеполитического курса, направленного на упрочение позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира» [5]. Вместе с тем, внешнеполитический курс России не разделялся материнскими государствами де-факто республик. В том числе, создание в 1997 г. при поддержке США региональной организации ГУАМ [18], которое неблагоприятно отразилось на российско-молдавских отношениях, что повлияло и на дальнейший ход переговорного процесса по приднестровскому конфликту. Российско-грузинские отношения

[2] Распоряжение Президента Российской Федерации от 29.07.1993 г. № 539-рп «О реализации Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением» // Президент России [офиц. сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/4109.

[3] Грузино-абхазское урегулирование // МИД РФ [офиц. сайт]. — 2005. — 20 июл. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686988/.

[4] Нагорно-карабахское урегулирование // МИД РФ [офиц. сайт]. — 2005. — 20 июл. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686990/.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Президент Росси [офиц. сайт]. — URL. — http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782.

претерпевали изменения, что было обусловлено усилением военного вмешательства США в политику Грузии, на которое в марте 2002 г. обратила свое внимание Россия, сделав свои первые заявления о возможности пересмотра статуса Абхазии и Южной Осетии с позиции права народа на самоопределение [11, с. 64–65].

Стратегическое значение приднестровского конфликта для России в начале 1990-х гг. определялось располагавшейся на его территории 14 гвардейской общевойсковой армией, относившейся к числу крупнейших воинских соединений на территории Украинской и Молдавской ССР. Постоянные попытки получить оружие со складов как молдавской, так и приднестровской стороной, создавали угрозу для 14 армии, что обременялось составом ее служащих, в большинстве своем являвшихся приднестровцами. Сложность ситуации отягчалась и юридической стороной, поскольку до апреля 1992 г. 14 армия находилась под юрисдикцией Объединенных вооруженных сил СНГ. И поскольку внешняя политика Президента России Б. Н. Ельцина была ориентирована на сохранение дружественных отношений со странами СНГ и решение ряда вопросов после распада Союза, в том числе по разделу активов и долгов СССР, весной 1991 г. было подписано соглашение с Республикой Молдова о передаче последней значительной части бывшей 14 советской армии [19, с. 109]. В последующем именно Россия стала инициатором мирного разрешения приднестровского конфликта, способствуя переговорному процессу и заключению ряда соглашений, направленных на прекращение режима огня.

21 июля 1992 г. было подписано соглашение между Россией и Молдовой с участием Приднестровья: «С момента подписания Соглашения конфликтующие стороны берут на себя обязательства предпринять все необходимые меры к полному прекращению огня, а также любых вооруженных действий друг против друга [6]. Россия не ограничилась миротворческим контингентом, размещенным в Приднестровье, и продолжила свою активную посредническую роль в урегулировании «замороженного» конфликта. Так, 8 мая 1997 г. в Москве был подписан двусторонний меморандум[7], а в феврале 2002 г. в Братиславе было принято решение о создании Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию по итогам встречи представителей России, Украины, ОБСЕ и Приднестровья. Молдова присоединилась к российской инициативе в 2002 г.

В 2003 г. Россия подготовила Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства («Меморандум Козака»), направленный на урегулирование приднестровского конфликта, но его подписание было сорвано молдавской стороной. Проводились переговоры в рамках Постоянного совещания, прерванные по инициативе Молдавии в феврале 2006 г.[8] Стоит отметить, что приднестровскому конфликту присущ ряд черт, которые не были характерны для иных конфликтов, повлиявших на формирование де-факто республик постсоветского пространства: наименее кровопролитный, отсутствовал вопрос беженцев, Приднестровье участвовало в переговорных процессах как отдельная сторона, выход приднестровских товаров на мировой рынок осуществляется через материнское государство, с 1992 г. отсутствовали вооруженные столкновения с материнским государством.

Сорвавшаяся в 2003 г. попытка урегулировать приднестровский конфликт посредством федерализации Молдавии и подписания «Меморандума Козака» существенно пошатнула посредническую роль России, как в приднестровском, так и в иных конфликтах постсоветского пространства. И по нарастающей ухудшались российско-грузинские взаимоотношения в силу активно пропагандируемого М. Саакашвили курса на сближение с США и ЕС, что вступало в прямое противоречие с национальными интересами России. Одновременно с Грузией евроустремления активно проявляла и Молдова, заявив в начале 2005 г. об интеграции в ЕС и НАТО, на что Россия, несогласная с молдавской политикой, ответила торговыми санкциями. Взаимоотношения с Грузией продолжали ухудшаться [11, с. 65].

Во второй половине 2000-х гг. Россия изменила вектор внешней политики, что было обусловлено рядом причин, среди которых следует отметить «купирование сепаратистских угроз внутри РФ» и «сближение между Грузией и Западом» [12, с. 118]. Переход политики от «сдержанной» к «наступательной» исследователи

[6] Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // МИД ПМР [офиц. сайт]. — URL: https://mid.gospmr.org/ru/sGv?ysclid=ma612kgppa62557507.

[7] Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем // Министерство Юстиции ПМР [офиц. сайт]. — URL: http://minjust.org/web.nsf/664d2901186e70a5c22574d5002acf18/587885b305f1a919c225772100481424!OpenDocument.

[8] Приднестровское урегулирование // МИД РФ [офиц. сайт]. — 2015. — 25 марта. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1524976/.

отмечают после Мюнхенской речи В.В. Путина 10 февраля 2007 г.[9] Профессор П.А. Цыганков обращает внимание, что заявленная в Мюнхенской речи наступательность внешней политики России не должна отождествляться с агрессивностью, поскольку В.В. Путин неоднократно подчеркивал приверженность России к взаимовыгодному сотрудничеству, на котором базируется многосторонний миропорядок [20, с. 32–33].

Резюмируем: в первый период с 1991 по 2008 гг. российские национальные интересы претерпевали изменения, что отразилось на внешнеполитическом курсе страны. И если изначально Россия была готова к сотрудничеству и конструктивному диалогу с материнскими государствами де-факто республик, последние активно блокировались с региональными и внерегиональными акторами в лице ЕС и США (Грузия и Молдавия), либо считали, что Россия поддерживает лишь одну сторону в конфликте (Азербайджан). Де-факто республики постсоветского пространства для России до 2000-х гг. не входили в список приоритетных национальных интересов, а интенсивные контакты с ними могли еще в большей степени дестабилизировать внутренние проблемы страны, в связи с чем попытки сотрудничества с материнскими государствами в условиях турбулентности после краха СССР являлись основными. Вместе с тем, несмотря на намерения сохранить дружественные отношения с материнскими государствами, и придерживаясь принципа территориальной целостности, Россия не абстрагировалась от происходящих конфликтов, а реализовывала курс на миротворческую и посредническую деятельность.

Купирование внутреннего сепаратизма, сохраняющаяся непрагматичность в политике материнских государств в отношении России, приход к власти В.В. Путина — в совокупности внесли свой вклад в трансформацию национальных интересов России во внешней политике в период с 1991 по 2008 гг. Как отмечает А.П. Цыганков: «В целом переход к более сбалансированной внешней политике не был ни прямым, ни безболезненным. Скорее его можно охарактеризовать как зигзагообразный и ставший результатом апробирования различных стратегий в соответствии с имевшимися у элит представлениями о национальном интересе России» [14, с. 41].

[9] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России [офиц. сайт]. — 2007. — 10 февр. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034.

Китайская позиция в отношении де-факто республик постсоветского пространства

Многоаспектные национальные интересы государства не могут быть стабильными, поскольку они во многом зависят от динамики внутри и внешнеполитической конъюнктуры. Одни национальные интересы носят временный характер, другие же постоянны. В истории Китая национальные интересы неоднократно претерпевали изменения. Однако относительно стабильные очертания они приобрели после старта нормализации политических отношений с США в начале 1970-х гг. и в силу постепенной интеграции КНР в мировое экономико-политическое пространство. С приходом к власти Дэн Сяопина (1978–1989) для успешной реализации национальных интересов КНР выстраивалась политика добрососедства с одними странами и стратегического партнерства с другими, основанная на «формуле 28 иероглифов»: «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» [21, с. 9].

Китай с конца XX в. наращивает региональное и внерегиональное сотрудничество в различных направлениях, в которых приоритетным выступает торгово-экономическое взаимодействие в рамках «политики открытости» [22, с. 186–189]. Китай был одной из первых стран, признавших независимость новых постсоветских государств [23, с. 155–160].

Трансформация национальных интересов Китая во внешней политике произошла при Ху Цзиньтао (2002–2012), при котором был обозначен курс «мирного возвышения» [24 , с. 67–74], сменившийся риторикой «гармоничного развития» и, уже при Си Цзиньпине — «китайской мечты» [25, с. 121]. Несмотря на высокую конфликтность Южного Кавказа, страны региона оставались в повестке внешней политики КНР. Сохранялась положительная динамика взаимоотношений с признанными южно-кавказскими республиками (Армения, Азербайджан и Грузия). Установив со странами Южного Кавказа дипломатические отношения в 1992 г., КНР поддерживала их территориальную целостность, не признавая республики Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия, придерживаясь принципа «невмешательства во внутренние дела» [2, с. 261–263]. Аналогичной позиции КНР придер-

живалась и в отношении приднестровско-молдавского конфликта, поддерживая территориальную целостность и осуществляя сотрудничество с Республикой Молдова [23, с. 160—161]. В ответ Китай получал «территориальную солидарность» в отношении Тайваня, Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Однако, со временем КНР проявила некоторый интерес в отношении ряда не признаваемых ранее де-факто республик постсоветского пространства. Впервые в рамках рассматриваемого периода это произошло в 2007 г., когда китайские бизнесмены встретились с представителями абхазских властей. По итогам встречи были обозначены потенциально перспективные направления сотрудничества в сфере строительства, производства стройматериалов и аграрной сфере, но в итоге, ни один проект в рамках обсуждавшихся направлений не был реализован [3, с. 161]. С Нагорным Карабахом у Китая при отсутствующих политических отношениях присутствовали торгово-экономические связи, зафиксированные с 2005 г., когда между КНР и де-факто НКР присутствовал ограниченный товарооборот в 41,1 тыс. долл. США, достигший к 2010 г. уже 1088, 3 тыс. долл. США [26].

Таким образом, в рамках первого периода де-факто республики постсоветского пространства не рассматривались КНР в качестве самостоятельных субъектов международных отношений и оценивались в аспекте приверженности территориальной целостности материнских государств, что соответствовало ключевым национальным интересам страны.

Период II: 2008–2020 гг.
Российские национальные интересы в отношении де-факто республик постсоветского пространства

Второй период берет свое начало с разморозки конфликта между Грузией и Южной Осетией 8 августа 2008 г., к решению которого подключилась Россия. Фактором российского вмешательства послужило то, что на территории Южной Осетии находился российский миротворческий контингент, большая часть жителей Южной Осетии являлась российскими гражданами, а сам конфликт проходил в приграничной области с российской Северной Осетией [11, с. 66]. А. Королев отмечает, что для России российско-грузинский конфликт был первым прецедентом военного вовлечения вне российских границ после завершения холодной войны [27, p. 59]. 26 августа 2008 г. Российская Федерация признала независимость Абхазии[10] и Южной Осетии[11]. Вместе с тем, министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил, что признание Абхазии и Южной Осетии не может быть использовано в качестве прецедента: «Будем ответственно реализовывать свою посредническую миссию в переговорном процессе, это в полной мере относится к Приднестровью и Нагорному Карабаху. Везде есть свои особенности, свои форматы и механизмы посредничества. Но югоосетинский кризис не создает для них никакого прецедента»[12]. В сентябре 2009 г. Россия подписала соглашения о сотрудничестве в военной области с Республикой Абхазия[13] и Республикой Южная Осетия[14].

По нагорно-карабахскому конфликту Россия в рамках Минской группы ОБСЕ продолжала осуществлять посредническую роль в мирном урегулировании конфликта. Так, 26 мая 2011 г. страны-сопредседатели Минской группы ОБСЕ приняли совместное заявление, в котором обозначалась необходимость мирного урегулирования конфликта[15].

В рамках второго периода Россия продолжала оказывать посредническую роль и в приднестровско-молдавском конфликте. Среди инициатив стоит отметить встречу президента Молдовы и главу Приднестровья, прошедшую 18 марта 2009 г. в Москве под эгидой Президента России. По итогам работы российских дипломатов в марте 2010 г.

[10] Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 г. № 1260 «О признании Республики Абхазия» // Президент России [офиц. сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27957.

[11] Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2008 г. № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // Президент России [офиц. сайт]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27958.

[12] Признание Абхазии и ЮО не прецедент для Нагорного Карабаха — Лавров // РИА Новости. — 2008. — 18 сент. — URL: https://ria.ru/20080918/151374624.html?ysclid=ma2cu5kqzi538754337.

[13] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о сотрудничестве в военной области // МИД РФ [офиц. сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45449/.

[14] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о сотрудничестве в военной области // МИД РФ [офиц. сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45440/.

[15] Президенты России, Франции и США приняли совместное заявление по нагорно-карабахскому конфликту // Президент России [офиц. сайт]. — 2011. — 26 мая. — URL: http://www.kremlin.ru/catalog/countries/AZ/events/11356.

была восстановлена практика неформальных встреч в формате «5+2» (Молдова и Приднестровье — стороны конфликта, Россия, Украина и ОБСЕ — посредники, ЕС и США — наблюдатели). В 2011 г. была возобновлена работа Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию. Вместе с тем, украинский кризис внес свою лепту в динамику развития Приднестровья, но не в политику России в отношении приднестровско-молдавского конфликта в целом и де-факто республики в частности. Приднестровская Молдавская Республика рассматривалась как механизм противодействия взаимодействию Молдавии и НАТО, сохранения молдавского нейтралитета. Вместе с тем, блокада Приднестровья Украиной с января 2016 г. создала с одной стороны ряд социально-экономических сложностей для де-факто республики, с другой, показатели приднестровского экспорта на европейский рынок существенно увеличились, что создало ситуацию, когда «Россия, оказывающая ПМР колоссальную финансовую и техническую помощь, по целому ряду важнейших показателей начала терять свои позиции» [28, с. 7].

С.М. Маркедонов определяет период с 2008 по 2020 гг. как «постбеловежский» региональный порядок в котором «де-факто образования стали опорными точками российского влияния», а их «родительские государства» — ориентированными на членство в ЕС и НАТО [29, с. 84].

Китайские национальные интересы в отношении де-факто республик постсоветского пространства

Открытый интерес КНР в отношении де-факто республик постсоветского пространства во второй период продолжает носить несистемный характер, контакты с де-факто государствами осуществляются на негосударственном уровне. Исключением стала гуманитарная инициатива в отношении Южной Осетии.

«Пятидневная война» августа 2008 г. не оставила равнодушными членов мирового сообщества, среди которых была и КНР. 21 августа 2008 г. по итогам встречи Министра иностранных дел России А.Н. Бородавкина с послом КНР в России Лю Гучаном, последний проинформировал российскую сторону о решении правительства Китая предоставить гуманитарную помощь населению Южной Осетии[16]. Таким образом, первой де-факто республикой постсоветского пространства с которой КНР осуществил диалог, стала Южная Осетия, которой китайская сторона оказала гуманитарную помощь.

26 августа 2008 г. Абхазия и Южная Осетия получили признание независимости от России. Вместе с тем, сотрудничество России и Китая в рамках ряда международных организаций не способствовало изменению курса китайской внешней политики в отношении де-факто республик. Так, в рамках площадки ШОС Россия осуществляла попытку продвижения идеи о статусе Абхазии и Южной Осетии [3, с. 161].

27 августа 2008 г. после заседания Совета глав-участников ШОС, Дмитрий Медведев и Ху Цзиньтао обсудили ситуацию в Абхазии и Южной Осетии, по итогам которой МИД КНР опубликовало свою официальную позицию по данному вопросу: «Нам известно о сложной истории и трудной нынешней ситуации в Южной Осетии и Абхазии. Китай придерживается последовательной и принципиальной позиции по такого рода вопросам и надеется, что стороны урегулируют конфликт путем консультаций и диалога»[17]. Таким образом, КНР осталась привержена принципу территориальной целостности в отношении материнского государства Грузии. Позиция китайской стороны подтверждается мнением государственного советника Дай Бинго, в 2009 г. официально толковавшего термин «основные интересы Китая» в трех аспектах: фундаментальная система и государственная безопасность; государственный суверенитет и территориальная целостность; устойчивое развитие экономики и общества [30, с. 104].

Однако, в 2009 г. представители китайской компании «Beifa Group», прибыли в Южную Осетию для оценки ее инвестиционной привлекательности, но по итогам встреч не были предложены коммерческие проекты [3, с. 161]. Нагорный Карабах приобретал в Китае турбины для средних и малых ГЭС, но внешнеторговый оборот Китая и Нагорного Карабаха составил в 2010 г. 0,4 % экспорта и 3,6 % импорта де-факто республики, показатели были низкими, но КНР занимала лидирующие позиции по торговой динамике среди иных внешнеторговых партнеров Нагорного Карабаха [26].

18 мая 2011 г. был подписан меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Тор-

[16] О встрече заместителя Министра иностранных дел России А.Н. Бородавкина с Послом КНР в Москве Лю Гучаном // МИД РФ [офиц. сайт]. — 2008. — 26 авг. — URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1599321/.

[17] Китай озабочен ситуацией в Абхазии и Южной Осетии — МИД КНР // РИА Новости. — 2008. — 27 авг. — URL: https://ria.ru/20080827/150721040.html?ysclid=m9zfobdlk4634974494.

гово-промышленными палатами Республики Абхазии и Гонконга. И в этом же году в октябре делегация Торгово-промышленной палаты Абхазии приняла участие в открытии Кантонской ярмарки в городе Гуанчжоу. При отсутствии регулярных контактов официальных китайских и абхазских лиц, была введена должность почетного консула Абхазии в Китае с местопребыванием в Пекине [там же]. Отметим и встречу в ноябре 2019 г. в МИД Абхазии официальных представителей Республики с китайской делегацией в составе заместителя председателя Китайско-Азиатской Ассоциации экономического развития Лью Я Джун и Лонг Вейбо главного инженера фирмы «China Unicom», но встреча не нашла своего отражения в практической плоскости[18].

В Абхазии, как отмечает М. Ламберт, китайские инвесторы заинтересованы в производстве томатов и меда, их привлекает и туристический потенциал де-факто республики, а китайская фармацевтическая отрасль увеличивает свое присутствие на территориях де-факто государств постсоветского пространства[19].

С приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина, продвигающего политическую концепцию «китайской мечты» [31, с. 46–49], национальные интересы Китая стали интерпретироваться в контексте ключевых тенденций международных отношений. 6 марта 2012 г. в рамках проходившей в Доме народных собраний в Пекине 5-й сессии ВСНП 11-го созыва, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи в рамках пресс-конференции обозначил роль Китая в мире в ближайшем десятилетии: «Китай будет придерживаться независимой, самостоятельной и мирной внешней политики, настаивать на пути мирного развития и стратегии взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, настаивать на объединении усилий со всеми странами для создания гармоничного мира, характеризующегося продолжительным миром и общим процветанием»[20].

Придерживаясь принципа территориальной целостности и реализуя множественные проекты с материнскими государствами де-факто республик постсоветского пространства, Китай полностью не исключает контакты с де-факто республиками, рассматривая варианты реализации на негосударственном уровне энергетических, торговых, инфраструктурных и инвестиционных проектов. Так, в 2017 г. Южная Осетия вновь заинтересовала китайских инвесторов г. Квайса, богатым свинцово-цинковыми рудами и возможностью их переработки для последующего использования в производстве цветных металлов. Однако, как и в 2009 г. реальные проекты не были предложены, поскольку китайские инвесторы обозначили ряд проблем, связанных не только с де-факто статусом республики, но и нехваткой мощностей электроэнергии и квалифицированных кадров [32, с. 27–28].

В 2018 г. китайская делегация приняла участие в международном инвестиционном экономическом форуме, проведенном в рамках VI съезда Торгово-промышленной палаты Приднестровья. В марте 2019 г. Болгаро-Китайская торгово-промышленная палата сообщила о намерении воплотить в жизнь два инвестиционных проекта по созданию экономической зоны по майнингу криптовалюты, но проекты фактически не были реализованы [3, с. 163].

Правительство КНР придерживается своего курса непризнания де-факто республик постсоветского пространства и приоритетным выступает сотрудничество с материнскими государствами. Одновременно, некоторыми китайскими коммерческими и гуманитарными структурами, несмотря на официальную позицию Пекина, предпринимался ряд прагматичных мер, для выявления ресурсно-экономических возможностей и перспективности потенциальных коммерческих проектов на территориях де-факто республик постсоветского пространства.

Период III: 2020 г. — настоящее время
Взгляд на де-факто республики постсоветского пространства с позиции российских национальных интересов

Третий период начался 27 сентября 2020 г. разморозкой нагорно-карабахского конфликта. При посредничестве России 10 ноября 2020 г. было подписано трехстороннее заявление между Россией, Арменией и Азербайджаном о полном прекращении огня и всех военных действий. Согласно заявлению, вдоль линии сопри-

[18] О встрече с делегацией из КНР // МИД Республики Абхазия : офиц. сайт. URL: http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/visits/o-vstreche-s-delegatsiey-iz-knr-/.

[19] Lambert M. Chinese Octopus: How China Is Taking over the Post-Soviet Space // Russian International Affairs Council. — 2019. — 18 June URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chinese-octopus-how-china-is-taking-over-the-post-soviet-space/.

[20] Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи ответил на вопросы журналистов, связанные с внешней политикой и внешнеполитическими связями Китая // МИД КНР [офиц. сайт]. — 2012. — 07 март. — URL: — https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201203/t20120312_765543.html.

косновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора был развернут российский миротворческий контингент сроком на 5 лет[21]. Россия способствовала последующим трехсторонним договоренностям от 11 и 26 ноября 2021 г. и 31 октября 2022 г. была сформирована «дорожная карта» нормализации отношений между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения[22]. Однако военная эскалация конфликта произошла осенью 2023 г., когда 19 сентября Министерство обороны Азербайджана объявило о начале «антитеррористических мероприятий локального характера в Нагорном Карабахе»[23] следствием которой стала полная ликвидация Нагорно-Карабахской республики 1 января 2024 г., согласно принятому ранее указу бывшей де-факто республики от 28 сентября 2023 г.[24] Российский миротворческий контингент был полностью выведен в июне 2024 г.[25]

В отношении приднестровского кейса Россия продолжает придерживаться заключенного в июле 1992 г. соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова. Сохраняющаяся российская позиция была оглашена в 2022 г. в рамках 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Будучи приверженной процессу политического урегулирования приднестровской проблемы, в котором Российская Федерация выступает в качестве посредника и гаранта на основе соблюдения суверенитета и территориальной целостности Республики Молдова, российская сторона осознает, что любые попытки сторон конфликта снять с себя ответственность за соблюдение положений Соглашения в нынешней ситуации пробуксовки политических переговоров между Кишиневом и Тирасполем и в международно-признанном формате “5+2” чреваты возвращением неурегулированного конфликта в “горячую фазу”»[26].

С Абхазией и Южной Осетий Россия продолжает развивать сотрудничество с социально-экономической, культурно, научно-образовательной и иных сферах. Для России с целью обеспечения национальных интересов во внешней политике особую значимость имеет реализации военно-стратегических соглашений, в том числе сохраняющиеся российские военные базы в Абхазии (7-я военная база) и Южной Осетии (4-я военная база)[27]. В Абхазии в бухте Очамчиры продолжает работу бригада сторожевых кораблей Береговой охраны пограничной службы ФСБ РФ[28].

Вместе с тем, несмотря на патронаж России в отношении южно-кавказских де-факто республик, периодически возникают сложности по выстраиванию конструктивного диалога по ряду вопросов, и в первую очередь с Абхазией (например, доступ россиян к абхазской земельной собственности и вопросы двойного гражданства), которые все же разрешаются посредством диалога между странами [12, с. 113]. Именно в де-факто республиках Абхазия и Южная Осетия Россия сохраняет свое безальтернативное присутствие. Следует согласиться с мнением А.Г. Большакова, отмечавшего, что де-факто государства имеют для России важное значение на постсоветском пространстве, играющем системообразующую роль в российской внешней политике. [33, с. 181].

Взгляд на де-факто республики постсоветского пространства с позиции китайских национальных интересов

28 сентября 2020 г. официальный представитель МИД Китая Ван Вэньбин сделал заявление: «Китай признает, что обеспечение регионального мира и стабильности соответствует интересам всех сторон, включая Армению и Азербайджан. Мы надеемся, что соответствую-

[21] Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России [офиц. сайт]. — 2020. — 10 нояб. — URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384.

[22] Нагорно-карабахское урегулирование // МИД РФ [офиц. сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/nagorno-karabahskoe-uregulirovanie/.

[23] В Баку заявили о начале локальных антитеррористических мероприятий в Карабахе // ТАСС. — 2023. — 19 сент. — URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18783053

[24] Нагорно-Карабахская республика формально прекращает существование // РИА Новости. — 2024. — 01 янв. — https://ria.ru/20240101/karabakh-1919298633.html?ysclid=ma6mp7auy7365213340.

[25] В Баку заявили о завершении вывода российских миротворцев из Карабаха // РИА Новости. — 2024. — 12 июн. — URL: https://ria.ru/20240612/mirotvortsy-1952362535.html?ysclid=ma6mskba2f673764847.

[26] Ответное слово заместителя руководителя российской делегации К.В.Воронцова в ходе общеполитических прений в Первом комитете 77-й сессии ГА ООН (7 пленарное заседание) // Постоянное представительство РФ при ООН [офиц. сайт]. — 2022. — 11 окт. — URL: https://russiaun.ru/ru/news/111022v_rr.

[27] Лавров: базы РФ надежно закрывают потребности Абхазии и Южной Осетии в безопасности // РИА Новости. — 2021. — 21 дек. — URL: https://tass.ru/politika/13259659.

[28] В Абхазии не планируют открывать военно-морскую базу России, заявили в МИД // РИА Новости. — 2024. — 08 авг. — URL: https://ria.ru/20240808/abhazija-1964917194.html?ysclid=ma7o2rfs2q515117728.

щие стороны проявят спокойствие и сдержанность, будут избегать дальнейшей эскалации ситуации и разрешат имеющиеся противоречия и разногласия путем политического диалога» [29]. Традиционно сдержанной, в рамках политики невмешательства в региональные конфликты, стала реакция КНР на начавшуюся 27 сентября 2020 г. Вторую карабахскую войну.

Применительно к кейсу Приднестровья, следует подчеркнуть, что посол Китая в Молдове Ян Вэнбинь отметил, что КНР и Республика Молдова сталкиваются со схожей исторической задачей — завершением процесса объединения Родины, у Китая есть проблема Тайваня, а у Молдовы — проблема Приднестровья[30]. Таким образом, КНР поддерживает материнское государство в отношении территориального вопроса.

6 декабря 2021 г. состоялась встреча Чрезвычайного и Полномочного Посла Абхазии в Сирийской Арабской Республике (САР) Баграта Хутаба и Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в САР Фен Бяо в посольстве КНР в Дамаске, на которой обсуждались перспективы сотрудничества в торгово-экономической и гуманитарных сферах в том числе и в рамках поддержки Сирии[31]. Грузия не оставила без внимания китайско-абхазскую встречу официальных лиц, и провела беседу с послом КНР в Грузии госпожой Ли Янь. Посол обозначила приверженность Китая своей позиции по поддержанию территориальной целостности Грузии и отметила, что скорее всего произошло недопонимание в отношении произошедшей встречи[32]. По абхазскому треку сохраняется диалог с почетным консулом Республики Абхазия в КНР Гэ Чжили. Так, 10 июня 2024 г. в Министерстве юстиции Абхазии состоялась его встреча с Министром юстиции Анри Барциц[33]. 21 ноября 2024 г. в МИД Абхазии Гэ Чжили принял участие во встрече с и.о. заместителя министра иностранных дел Абхазии Одиссеем Бигвава, по итогам которой почетный консул Республики Абхазия в КНР поддержал перспективы культурно-гуманитарного китайско-абхазского сотрудничества и выразил надежду на дальнейшие консультации[34]. 28 февраля 2025 г. стороны вновь встретились по этому вопросу, но уже в Москве[35]. Отметим, что проводимые встречи формируют видимую рамку сотрудничества и взаимодействия с китайским партнером, важную для позиционирования властей де-факто республики на внешнем контуре.

Южный Кавказ входит в спектр национальных интересов Китая, что обусловлено его значимостью для реализации проекта «пояс и путь». КНР не ограничивается сотрудничеством с материнскими государствами, проявляя некоторый интерес и к де-факто республикам, слабо регулируемые рынки которых создают коммерческую привлекательность для китайских инвесторов. Вместе с тем, де-факто республики постсоветского пространства не выступают плацдармом активных китайских инвестиций, не только из-за размытого международного статуса и сохраняющихся рисков разморозки конфликтов, но и из-за правовых проблем и неготовности властей республик к формированию позитивного бизнес-климата [3, с. 163].

Заключение

Концепции и стратегии национальных интересов России изменялись и трансформировались, однако всегда актуальными и традиционными оставались национальные интересы, определяемые особенностями географического положения страны, требующие обеспечения геополитического «пояса безопасности» в котором де-факто государства постсоветского пространства имеют важное значение. С.М. Маркедонов обращает внимание, что влияние России на Южном Кавказе в последние годы

[29] Китай призвал Армению и Азербайджан к сдержанности // РИА Новости. — 2020. — 28 сент. — URL: https://ria.ru/20200928/kitay-1577871573.html.

[30] Chinese Ambassador Yan Wenbin Believes China and Moldova Face the Same Historical Task — Motherland Reunification // News Agency “Infotag”. 2022. — 10 Aug. — URL: https://www.infotag.md/politics-en/301188/.

[31] Заявление Министерства иностранных дел Республики Абхазия в связи с давлением грузинской стороны на Посла КНР в Сирии // МИД Республики Абхазия [офиц. сайт]. — 2021. — 09 дек. — URL: https://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/zayavlenie-ministerstva-inostrannykh-del-respubliki-abkhaziya-v-svyazi-davleniem-gruzinskoy-storony-/.

[32] В МИД Грузии провели беседу с послом Китая из-за встречи дипломатов Абхазии и КНР в Сирии // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13162341.

[33] В Министерстве юстиции состоялась встреча Министра юстиции Анри Барциц с почетным консулом Республики Абхазия в Китайской Народной Республике Гэ Чжили // Министерство Юстиции Репсублики Абхазия. — 2024. — 10 июн. — URL: https://clck.ru/3NPfAT.

[34] Одиссей Бигвава встретился с Почетным консулом Абхазии в Китае Гэ Чжили // АпсныПресс. — 2024. — 21 нояб. — URL: https://apsnypress.info/ru/home/novosti/item/13850-odissej-bigvava-vstretilsya-s-pochetnym-konsulom-abkhazii-v-kitae-ge-chzhili.

[35] Одиссей Бигвава провел встречу с Гэ Чжили // МИД Абхазии. — 2025. — 28 февр. — URL: https://mfaapsny.org/ru/allnews/news/othernews/odissey-bigvava-provel-vstrechu-s-ge-chzhili/.

претерпело ряд изменений, «...до нового статус-кво, который начал формироваться в 2020 г. Кавказ был территорией абсолютного российского доминирования. Часто это называли “геополитическим доменом России”, говорили, и справедливо, о “продолжении северокавказской повестки на Южном Кавказе”, но в двадцатом году ситуация поменялась, такая страна, как Турция, о которой сейчас много говорится в контексте рассуждений о “средних державах”, многие вводные поменяла»[36].

Политика России в отношении де-факто государств постсоветского пространства неизбежно отразилась и на взаимоотношениях с их материнскими государствами. Так, с Грузией Россия не имеет дипломатических отношений с 2008 г. Примечательно, что современная Грузия, взаимодействуя с ЕС и сохраняя территориальные притязания на Абхазию и Южную Осетию, для благополучия своей страны, в первую очередь экономического, не стала занимать негативную позицию в отношении России после начала активной фазы российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. И если у России на сегодняшний день сохраняются сложности в проведении конструктивного диалога со всеми материнскими государствами де-факто республик постсоветского пространства, то КНР, напротив, не имея активного сотрудничества с де-факто республиками, обладает комплексными связями с их материнскими государствами — в первую очередь экономическими — что соответствует реализации ее долгосрочных национальных интересов и создания транспортных коридоров на пространстве Евразии в рамках инициативы «пояса и пути». Китай не ориентирован на реализацию посреднической роли в урегулировании конфликтов. И поскольку КНР имеет собственные неразрешенные территориальные проблемы (прежде всего — Тайваньский вопрос), она поддерживает территориальную целостность материнских государств. Китай в своей внешней политике придерживается курса дистанцирования от любых политических проблем, в том числе и от региональных конфликтов.

Для трех из четырех де-факто республик на постсоветском пространстве, Россия продолжает оставаться патроном. Для бывшей Нагорно-Карабахской Республики государством-патроном выступала Армения, однако она не сумела обеспечить собственную экономическую и военную самодостаточность, что неизбежно отразилось и на ее возможности поддерживать бывшую НКР в ее противостоянии коалиции Азербайджана и Турции. Быть государством-патроном, значит быть готовым на регулярной основе обеспечить защиту населения, экономическую поддержку, нести бремя санкционной политики членов мирового сообщества, не разделяющих такую поддержку. Именно это бремя в виде множества «издержек» несет Россия, сохраняя свой патронаж в отношении де-факто республик постсоветского пространства. Однако такая политика Российской Федерации является отражением национальных интересов государства, на которые оказывают влияние следующие факторы:

– исторический: де-факто государства постсоветского пространства длительный период времени находились в составе СССР (либо как части материнского государства, либо имея непродолжительный период времени свою государственность);

– демографический: на территориях де-факто республик проживает большое количество русскоязычного населения, большая часть которого имеет российское гражданство;

– экономический: сотрудничество осуществляется не только в рамках односторонней социально-экономической поддержки со стороны государства патрона, но и де-факто республики стремятся к правовым нормам евразийского таможенного законодательства для возможности последующего вступления в структуры ЕАЭС;

– геостратегический: взаимодействие материнских государств с иными региональными и внерегиональными акторами (Турцией, ЕС, США) продолжает реализовываться, и это иногда входит в противоречие с национальными интересами России. Сохранение российского присутствия на территориях де-факто республик выступает как сдерживающий фактор устремлениям иных держав;

– географический: наличие общих границ с двумя из трех де-факто республик постсоветского пространства (приграничные конфликты способны оказать дестабилизирующий эффект на территориях России). У России с Приднестровьем, в отличие от Абхазии и Южной Осетии, отсутствуют общие границы, что существенно затрудняет возможность оказывать большее содействие, что осложняется тем, что ПМР с одной стороны граничит с Молдовой, а с другой — с Украиной.

Перечисленные факторы предопределили место де-факто республик постсоветского про-

[36] Дискуссия, посвященная армяно-азербайджанским отношениям и политике России в Закавказье // Международный дискуссионный клуб Валдай от 23 янв. 2025 г. — URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/armyano-azerbaydzhanskie-otnosheniya-i-politika-rossii-v-zakavkaze/.

странства в системе национальных интересов России. В свою очередь для КНР ни один из них не является актуальным, что и определило место де-факто республик постсоветского пространства в системе китайских национальных интересов. На позиции России и Китая в отношении де-факто республик постсоветского пространства повлияло их различное значение в структуре национальных интересов. Китай всегда ограничивался символическими заявлениями на уровне официальных лиц о необходимости разрешать конфликты политическим путем, проявлял ограниченный бизнес-интерес и единожды оказал гуманитарную поддержку (Южная Осетия). В российском арсенале в отношении де-факто республик за 35 лет применялись как санкционные меры и посредничество, так и гуманитарная, экономическая, военная и иные виды поддержки.

Как справедливо отмечает П.А. Цыганков: «Россия «по определению» не может не быть великой державой: это вопрос самого ее существования как суверенного государства» [20, с. 32–33]. И для обеспечения своих национальных интересов и сохранения статуса великой державы Российская Федерация не может, в отличие от Китая, вести политику дистанцирования в отношении де-факто республик, с помощью которых на протяжении десятилетий реализуется комплексная проекция российских национальных интересов на постсоветском пространстве.

Список использованной литературы

1. Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия / Я.В. Лексютина. — EDN ZZAYDS // Постсоветские исследования. — 2022. — Т. 5, № 1. — С. 57-72.

2. Мокрецкий А.Ч. Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время / А.Ч. Мокрецкий. — DOI 10.48647/ICCA.2024.23.76.018. — EDN MHDSKY // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2024. — Т. 29, № 29. — С. 259–277.

3. Ерицян И.Н. Стратегия Китая в отношении де-факто государств постсоветского пространства с позиции неореализма / И.Н. Ерицян, И.В. Олейников. — DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).158-168. — EDN KKQRLI // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 158–168.

4. Трухачев В.В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы / В.В. Трухачев. — EDN MBHOOV. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2010. — №. 1. — С. 53–65.

5. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace / H. Morgenthau. — New York: Alfred A. Knopf, 1948. — 489 p.

6. Овчинников А.И. Национальные интересы России: понятие и виды / А.И. Овчинников. — EDN SHAWCZ // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2014. — №. 2. — С. 7–10.

7. Бэттлер А. Национальные интересы, национальная и международная безопасность / А. Бэттлер. — EDN ESCVTD // Полис. Политические исследования. — 2002. — № 4. — С. 146–158.

8. Сергунин А.А. Российские дебаты по международным отношениям в послекоммунистический период. — EDN QODQWX // Российская наука международных отношений: новые направления / А.П. Цыганков, И.Г. Тюлин, А.А. Сергунин [и др.]. — Москва : Издательство «Пер Сэ», 2005. — С. 97–122.

9. Богатуров, А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России / А.Д. Богатуров. — EDN PXAOHZ // Международные процессы. — 2007. — Т. 5, № 1(13). — С. 54–69.

10. Цыганков П.А. Национальный интерес в теории и в практике российской внешней политики / П.А. Цыганков // О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова) / под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. — Москва : Изд-во Московского университета, 2021. С. 831–835. — EDN URRBIT.

11. Махалкина М.А. Абхазия, Приднестровье и Южная Осетия во внешней политике России в 1991–2008 гг. / М.А. Махалкина. — DOI 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-62-68. — EDN VKUUPD // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7. — №. 6-1. — С. 62–68.

12. Маркедонов С.М. Трансформация конфликтного поля в Абхазии: современная политика и исторический контекст / С.М. Маркедонов. — DOI 10.20542/0131-2227-2024-68-12-111-121. — EDN KTEQJH // Мировая экономика и международные отношения. — 2024. — Т. 68, № 12. — С. 111–121.

13. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы / Е.М. Примаков // Международная жизнь. — 1996. — № 10. — С. 3–13.

14. Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина. Формирование национального интереса / А.П. Цыганков. — Москва : Науч. кн., 2008. — 270 с. — EDN QOHZYN.

15. Назаров В.П. Национальные интересы во внешней политике России / В.П. Назаров // Вестник МГИМО-Университета. — 2024. — Т. 17. — №. 1. — С. 7–21. DOI 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21.

16. Богатуров А.Д. Место реализма в российских исследованиях МО / А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. — EDN QODQWX // Российская наука международных отношений: новые направления / А.П. Цыганков, И.Г. Тюлин, А.А. Сергунин [и др.]. — Москва : Издательство «Пер Сэ», 2005. — С. 123–146.

17. Мещеряков К.Е. Внешняя политика России на Южном Кавказе: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности / К.Е. Мещеряков. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2012. — 242 с.

18. Шаклеина Т.А. Российско-американские отношения в связи с конфликтами в европейской части СНГ / Т.А. Шаклеина // Экономика и политика в современных международных конфликтах / отв. ред. А.Д. Богатуров. — Москва : URSS, 2008. — С. 159–170. — EDN WYZXIH.

19. Девятков А В. Россия и вооруженная стадия приднестровского конфликта (1991–1992 годы) / А.В. Девятков. — EDN MBEEPX // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 10 (191). — С. 108–112.

20. Цыганков П.А. После Кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России / П.А. Цыганков. — EDN KGXOOR // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2009. — № 1. — С. 29–34.

21. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / В.Я. Портяков. — Москва : ФГБУН ИДВ РАН, 2015. — 280 с. — EDN XRQMEH.

22. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций / В.Г. Гельбрас. — Москва : Квадрига, 2019. — 406 с.

23. Ван Л. Украина и Молдавия в региональной политике КНР / Л. Ван. — DOI 10.22363/2312-8127-2018-10-2-155-167. — EDN YMHUPJ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2018. — Т. 10, № 2. — С. 155–167.

24. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая / Я.М. Бергер. — Москва : ИД «ФОРУМ», 2009. — 560 с.

25. Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов / М.Ю. Коростиков. — DOI 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-108-126. — EDN XCGKRV // Сравнительная политика. — 2016. — Т. 7, № 4. — С. 108–126.

26. Бабаян Д.К. Регион Большого Кавказа в геоэкономической стратегии Китая / Д.К. Бабаян. — EDN SVKOSX // Россия и новые государства Евразии. — 2011. — № 3 (12). — С. 51–70.

27. Korolev A. Balancing in a Unipolar World: The Case of the 2008 Russian-Georgian Conflict / A. Korolev // Civilitas. — 2011. — No. 3. — P. 58–88.

28. Гущин А.В. Приднестровье: дилеммы мирного урегулирования / А.В. Гущин, С.М. Маркедонов. — Москва : Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2016. — 11 с. — EDN ZHBSUN.

29. Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет / С.М. Маркедонов. — DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89. — EDN NQJJXJ // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65, № 12. — С. 79–89.

30. Аммер М.А. «Национальные интересы Китая» в современной системе международных отношений / М.А. Аммер. — EDN IXCLZV // Исторический бюллетень. — 2019. — Т. 2, № 3. — С. 101–108.

31. Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина / И.Ю. Зуенко. — Москва : Изд-во АСТ, 2024. — 320 с.

32. Суздальцев А.И. Особенности политического и экономического развития Республики Южная Осетия / А.И. Суздальцев, Н.Н. Новик, В.Б. Тедеев, А.Г. Бесаева. — DOI 10.37490/S221979310021328-3. — EDN EORQWR // Псковский регионологический журнал. — 2022. — Т. 18, № 3. — С. 19–36.

33. Большаков А.Г. Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов / А.Г. Большаков. — EDN KVIKPZ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2008. — Т. 4, № 1. — С. 180–197.

References

1. Leksyutina Ya.V. China in the South Caucasus: The Current Scale of Economic Presence. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*, 2022, vol. 1, no 5, pp. 57–72. (In Russian). EDN: ZZAYDS.

2. Mokretskii A.Ch. China's Relations with the Transcaucasian Republics since 2020. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2024, vol. 29, no 29, pp. 259–277. (In Russian). EDN: MHDSKY. DOI: 10.48647/ICCA.2024.23.76.018.

3. Eritsyan I.N., Oleynikov I.V. China's Strategy Toward the De Facto States of the Post-Soviet Space from a Neorealistic Perspective. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 158–168. (In Russian). EDN: KKQRLI . DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(2).158-168.

4. Trukhachev V.V. National Interests: Theoretical Discourse of the Problem. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science,* 2010, no. 1, pp. 53–65. (In Russian). EDN: MBHOOV.

5. Morgenthau H. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.

6. Ovchinnikov A. I. National Interests of Russia: Concept and Kinds. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2014, no. 2, pp. 7–10. (In Russian). EDN: SHAWCZ.

7. Battler A. National Interests, National and International Security. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2002, no. 4, pp. 146–158. (In Russian). EDN: ESCVTD.

8. Sergounin A.A. Russian Debates on International Relations in the Post-Communist Period. In Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (eds). *Russian International Relations Studies: New Directions*. Moscow, PER SE Publishing, 2005, pp. 97–122. (In Russian). EDN: QODQWX.

9. Bogaturov A.D. Three Generations of Russia's Foreign Policy Doctrines. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2007, vol. 5, no. 1(13), pp. 54–69. (In Russian). EDN: PXAOHZ.

10. Tsygankov P.A. National Interest in Theory and Practice in Russian Foreign Policy. In L.E. Slutskiy, A.Yu. Shutov (eds.) *On the Nationally Oriented Theory of International Relations (on the 80th Anniversary of Professor P.A. Tsygankov)*. Moscow, Moscow University Publishing, 2021, pp. 831–835. (In Russian). EDN: URRBIT.

11. Makhalkina M.A. Abkhazia, Transnistria and South Ossetia in the Foreign Policy of Russia in 1991–2008. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas*, 2015, Vol. 7, No. 6-1, pp. 62–68. (In Russian). EDN: VKUUPD. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-62-68.

12. Markedonov S.M. Transformation of the Conflict Field in Abkhazia: Contemporary Politics and Historical Context. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 12, pp. 111–121. (In Russian). — EDN: KTEQJH. — DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-111-121.

13. Primakov E.M. International Relations on the Eve of the 21st Century: Problems and Prospects. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*, 1996, no. 10, pp. 3–13. (In Russian).

14. Tsygankov A. P. *Russian Foreign Policy from Gorbachev to Putin. The Formation of National Interests*. Moscow, Scientific Books Publising, 2008. 270 p. (In Russian). EDN: QOHZYN.

15. Nazarov V. P. National Interests in Russia's Foreign Policy. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 7 —21. (In Russian). EDN: ZYTMZG. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21.

16. Bogaturov A. D., Shakleina T. A. The Place of Realism in Russian Studies on IR. In Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (eds). *Russian International Relations Studies: New Directions*. Moscow, PER SE Publishing, 2005, pp. 123–146. (In Russian). EDN: QODQWX.

17. Meshcheryakov K.E. *Russia's Foreign Policy in South Caucasus: Trends and Problems*. Saint Petersburg, Skifia-Print, 2012. 242 p. (In Russian).

18. Shakleina T.A. Russian-American Relations in Connection with the Conflicts in the European Part of the CIS. In Bogaturov A.D. (ed.) *Economics and Politics in Modern International Conflicts*. Moscow, URSS, 2008, pp. 159–170. (In Russian). EDN: WYZXIH.

19. Devyatkov A. V. Russia and the Armed Stage of the Transnistrian Conflict (1991–1992). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 10 (191), pp. 108–112. (In Russian). EDN: MBEEPX.

20. Tsygankov P.A. After the Caucasian Crisis: World Order and Foreign Policy of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2009, No. 1, Pp. 29–34. (In Russian). EDN: KGXOOR.

21. Portyakov V.Ya. *Foreign Policy of the People's Republic of China in the 21st Century*. Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 280 p. (In Russian). EDN: XRQMEH.

22. Gelbras V.G. *The Economy of the People's Republic of China: A Course of Lectures*. Moscow, Kvadriga, 2019. 406 p. (In Russian).

23. Van L. Ukraine and Moldova in the PRC regional policy. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya = RUDN Journal of World History*, 2018, vol. 10, no. 2, pp. 155–167. (In Russian). EDN: YMHUPJ. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-155-167.

24. Berger Ya. M. *Economic Strategy of China*. Moscow, Forum Publishing, 2009. 560 p. (In Russian).

25. Korostikov M.Yu. The Dynamics of Chinese Foreign Policy Through the Prism of National Interests. *Sravnitelnaya Politika = Comparative Politics Russia*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 108–126. (In Russian). EDN: XCGKRV. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-108-126.

26. Babayan D.K. The Greater Caucasus Region in China's Geo-Economic Strategy. *Rossiya i Novye Gosudarstva Evrazii = Russia and the New Eurasian States*, 2011, no. 3 (12), pp. 51–70. (In Russian). EDN: SVKOSX.

27. Korolev A. Balancing in a Unipolar World: The Case of the 2008 Russian-Georgian Conflict. *Civilitas*, 2011, no. 3, pp. 58–88.

28. Guschin A.V., Markedonov S.M. Transnistria: The Dilemmas of a Peaceful Settlement. Moscow, RIAC Publishing, 2016. 11 p. (In Russian). EDN: ZHBSUN.

29. Markedonov S.M. Post-Soviet De Facto States: Trajectories of Their Struggle for Sovereignty. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 12, pp. 79–89. (In Russian). EDN: NQJJXJ. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89.

30. Ammer M. A. “China's National Interests” in the Modern System of International Relations. *Istoricheskii byulleten' = Historical Bulletin*, 2019, vol. 2, no. 3, pp. 101–108. (In Russian). EDN: IXCLZV.

31. Zuenko I.Yu. China in the Era of Xi Jinping. Moscow, AST Publishing, 2024. 320 p. (In Russian).

32. Suzdaltsev A.I., Novik N.N., Tedeev V.B., Besaeva A.G. Features of the Political and Economic Development of the Republic of South Ossetia. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Journal of Regional Studies*, 2022, vol. 18, no. 3. pp. 19-36. (In Russian). EDN: EORQWR. DOI: 10.37490/S221979310021328-3.

33. Bolshakov A G. Non-Recognized States of the Post-Soviet Space in System of the Russian National Interests. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2008, vol. 4, no.1, pp. 180–197. (In Russian). EDN: KVIKPZ.

Информация об авторах

Ерицян Инга Нелсиковна — старший преподаватель, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, eritsyan.inga@mail.ru.

Олейников Илья Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет; доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, ilyavasilich@yandex.ru.

作者信息

Inga N. Eritsyan — 高级讲师, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, eritsyan.inga@mail.ru.

Ilya V. Oleynikov — 历史学副博士, 副教授, 政治学、历史学与区域研究教研室, 伊尔库茨克国立大学; 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, ilyavasilich@yandex.ru.

Authors

Inga N. Eritsyan — Senior Lecturer, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, eritsyan.inga@mail.ru.

Ilya V. Oleynikov — PhD in History, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies , Faculty of History, Irkutsk State University; Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, ilyavasilich@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Ерицян И.Н. Де-факто республики постсоветского пространства в системе российских и китайских национальных интересов: историческая ретроспектива / И.Н. Ерицян, И.В. Олейников. — DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).155-171. — EDN ZLGZAZ // Российско-китайские исследования. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 155–171.

For Citation

Eritsyan I.N., Oleynikov I.V. De Facto Republics of the Post-Soviet Space in the System of Russian and Chinese National Interests: A Historical Retrospective. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 155–171. (In Russian). EDN: ZLGZAZ. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(2).155-171.